

Кирилл Юрченко

Приходящие из Мора

Кирилл Юрченко
Приходящие из Мора

«Автор»

2005

Юрченко К.

Приходящие из Мора / К. Юрченко — «Автор», 2005

Прочитав однажды занимательную сказку о «скале демонов», якобы затерянной в таежной глуши, главный герой и думать не гадал, что когда-нибудь окажется именно в том самом уголке, навеки проклятом, как рассказывалось в старой рукописи. Можно не верить в происки нечистой силы, но как тогда объяснить те жуткие события, свидетелем и участником которых он стал? Возможно, с ответом найдется и способ выжить. Ведь бороться теперь придется не только за собственную жизнь, но и за тех, кто волею судеб оказался рядом.

© Юрченко К., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Землетрясение. Пролог	5
Часть первая. На краю мира	7
1. Истуканы	7
2. Крик	13
3. Сказка	18
4. Мора	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кирилл Юрченко

Приходящие из Мора

Землетрясение. Пролог

Солнце палило нещадно. Близился полдень, воздух дрожал над раскаленными скалами, дышать становилось неважно. Мокрый от пота, Лука Стрельников лежал, укрывшись в тени камней, неумолимо таявшей прямо на глазах, и надеялся, что солнце не доконает его, прежде чем он снова получит нужный кадр.

Его больше не заботили местные красоты. В данный момент он думал о том странном потерянном кадре. Что-то необычное и непонятное увидел там внизу, у берега реки, на краю леса. Уставшими пальцами он хаотично нажимал на кнопки, хотел внимательнее просмотреть получившийся снимок, но что-то помутилось в голове, видимо от жары, и он стер по ошибке кадр, а невесть откуда взявшийся туман все испортил окончательно, не дав возможности повторить снимок.

Он вышел из укрытия, подобрался к краю обрыва и сделал еще несколько кадров, направляя объектив на расположившийся у подножия лес, после чего полез обратно в тень. Воздух сильно дрожал, тяжелая дымка растеклась у подножия скал, и никакие фильтры вкупе с хорошей оптикой не позволяли сделать отчетливые снимки, в просмотре они оказывались чересчур мутными. Нужно подождать. Может быть, поднимется ветер и разгонит завесу. И дышать станет легче. В это с трудом верилось. Как не верилось и в то, что еще утром он пил воду из горной реки, студеную: аж ныли зубы.

Землетрясение застало его врасплох. Именно в тот самый момент, когда Лука решил воспользоваться вышкой, для лучшего обзора.

Когда то, невесть сколько десятилетий назад, люди проделали титанический труд – наверняка без всяких вертолетов, вручную умудрились втащить на одну из голых скалистых вершин огромные лиственничные жерди и без всякой проволоки и гвоздей (а ее просто так и не пробьешь – лиственницу-то), на одних деревянных костылях слепили вышку, которая видна была за многие километры отсюда. Результат сколь значительный, столь же и бессмысленный – после того как никаких особых полезных ископаемых здесь не обнаружили, на десятки лет про это место забыли. А в нынешнюю эру спутниковой навигации этот топографический маяк превратился в ненужное украшение. Зато сейчас Лука использовал его для самых, что ни на есть, практических целей – взобравшись на верхотуру, он настроил фотоаппарат, штатив которого прикрутил к потрескавшимся от старости доскам. И это вместо того, чтобы спуститься к машине, да готовиться к обратной дороге. Что же так привлекло его внимание? Что-то такое в лесу... Движение? Нет, скорее намек на движение. Но не могут же деревья ходить, значит – животное...

Внизу появились разрывы в тумане, вскоре их стало больше, и Лука, позабыв о жаре и обо всем на свете, словно сам был на автоматическом взводе, начал снимать, поглядывая только на индикатор заряда.

И вдруг тряхнуло. Так сильно и внезапно, что он даже не успел за что-нибудь схватиться и сорвался вниз. Он бы обязательно разбился, да ногу защемило между досками площадки, не дав упасть. Внезапная резкая боль электричеством прошла по всему телу. Лука закричал, и эхо несколько раз визгливо ответило ему. Тряхнуло еще раза два, но уже слабее; наконец, вершины погрузились в звенящую тишину.

Он висел вниз головой и, преодолевая боль, пытался уцепиться руками за ближайшую жердь. После многократных попыток ему удалось схватиться, подтянуться, и, обняв перекла-

дину, занять горизонтальное положение, после чего освободить ступню. Ему повезло: это не был перелом. Острая боль отступила, и он мог даже вяло шевелить пальцами ног. Лука облегченно вздохнул, хотя даже сильное растяжение серьезно затрудняло его положение.

Он посмотрел вверх, туда, где остался фотоаппарат. Дотянуться к нему не представлялось возможным – даже спуск обещал быть нелегким. Нога слегка распухла и теперь болела от внезапной тесноты обуви. Лука вспомнил, что в кармане должен быть перочинный нож, если он, конечно, не оставил его в машине. Держать равновесие при помощи одной руки было затруднительно и страшно, однако после нескольких попыток он все же смог вынуть нож, раскрыл его и разрезал шнурки, после чего стащил ботинок и кинул его вниз. Но вместо того, чтобы упасть и остаться там, ботинок ударился толстой подошвой о камни и, перекувырнувшись, отскочил к обрыву. Чертыхнувшись, Лука проводил его взглядом. Когда ботинок окончательно исчез из вида, он посмотрел вверх и начал осторожно подниматься. Его новенькая камера не стоила того, чтобы рисковать жизнью, но отказаться от тех кадров, что были на ней, он не мог...

Землетрясения, насколько он знал, в этих местах – не такая уж редкость. Но сказать, что случившееся не потрясло его (в буквальном и переносном смысле) – было бы не правдой. Тем более что Лука впервые в жизни испытал на себе силу этой стихии.

Вот и фотоаппарат в его руках. Но отчего-то он не испытал радости. Помимо мыслей о том, повторятся толчки, или нет, а, если повторятся, не окажутся ли они еще сильнее предыдущих; помимо беспокойства, что развалятся жерди маяка, пока он будет спускаться вниз; кроме боли в ноге, было еще что-то, беспокоившее его, – и это было как-то связано с тем непонятным движением в лесу... Когда в голову полезли догадки, ему стало жутко. Особенно, когда Лука вспомнил свой первый день в загадочном лесу.

Часть первая. На краю мира

1. Истуканы

С братом Лука Стрельников должен был встретиться на автостанции в Тихоновке, в четверг, как и договаривались, ровно в половине второго, ни минутой раньше, ни минутой позже. Хотя Лука появился в деревне уже с первыми петухами и главными местными достопримечательностями, на которые он наткнулся, оказались: самой громкой – пилорама, а самой тихой (каламбур – нарочно не придумаешь) – тихоновское кладбище с крестами и звездами. Они располагались по обе стороны от шоссе. А метрах в двухстах от границы деревни Лука увидел бревенчатое двухэтажное здание школы, совмещенной с детским садом.

«Рождаются люди, учатся, работают, и все это – одна дорога на погост», – невесело подумал Лука, остановив машину, и проводил взглядом женщину, направлявшуюся в сторону кладбища. В руках у нее были ведра с искусственными цветами.

Он какое-то время соображал – стоит ли принимать явление бабы с ведрами за недобрый знак, если женщина отправилась явно не по воду. Так ничего не решил, и постарался списать плохое настроение на собственную нервозность. Все-таки давно не виделся с братом. Да еще кладбище заставило его вспомнить о недавней смерти лучшего и, пожалуй, единственного настоящего друга, Сережки Сафронова, с которым они нередко вместе ходили в экспедиции, пока Лука не бросил прежнюю работу, уйдя на вольные хлеба. Но дружба сохранилась, они даже созванивались регулярно, что для Стрельникова было совсем нехарактерно. А теперь, оставшись без друга, он периодически ощущал непреодолимое желание уехать куда-нибудь подальше, в дикую глушь, и это желание совпало с очередным посланием от брата. Раньше Стрельников наотрез отказывался от приглашений, но не в этот раз. Брату он, правда, наврал, что собирается снимать для журнала, в котором давно не работал.

В деревне, как он и рассчитывал, нашлось, за что зацепиться взгляду: старые дома с деревянной резьбой, недавно восстановленная церквушка с голубыми куполами, да еще удивил неплохо сохранившийся деревянный мостик через ручей, сделанный под былинную старину – с обоих берегов путника встречали вырезанные из дерева истуканы в полный рост. Со страховыми рожами: все человеческие черты были искажены и огрублены как будто намеренно. Причем рожи всех четверых казались разными. А игра теней от листьев деревьев делала их будто живыми.

Лука сделал несколько кадров с разных углов. Хотел расспросить кого-нибудь из местных – нет ли еще чего в деревне интересного. Заметил и кликнул двух пацанят, которые с интересом рассматривали его «Уазик»-буханку, как будто никогда таких машин не видели. Когда он позвал, оба лениво двинулись в его сторону. Пока Лука спрашивал о достопримечательностях, паренек постарше с бесцеремонным нахальством тянул руку к камере, прося «позырить фотик», как будто даже не слыша вопроса. Еще один так и норовил дотянуться до его коммуникатора, прицепленного к брючному ремню. С детьми Лука никогда близко не общался, тем более с такими наглыми, с точки зрения горожанина, не привыкшего к подобному любопытству. Неожиданно для себя он испытал жгучее желание дать им по рукам. Но вдруг кто-то из пацанов засвистел, и все как один заорали:

– Лёлик пожаловал! Лёлик! Лёлик! Сумасшедший Лёлик!..

Лука рассчитывал увидеть еще одного паренька, на появление которого могли так бурно отреагировать мальчишки. Но, к его удивлению, Лёликом оказался старик, стоявший на мостике. Одной рукой тот держался за перила, другой грозил пацанам тяжелой палкой.

Судя по тому, как радостно и истерично начали кричать мальчишки, дразнить старика доставляло им некоторое удовольствие, хотя они предпочитали это делать на расстоянии. И тот час же слиняли, едва старик сошел с моста.

– Вовремя я, – заметил старик. – Погляди-ка, все ли цело? Эти шустики всех туристов атакуют, особенно тех, кто поодиночке ходит. Заводила у них Севка Голумей – он, сынок, может и из карманов что-нибудь вытащить. У них вся семейка такая. Нут-ка, проверь?

Лука осмотрел себя, пошарил в карманах. Вроде все было на месте.

Он внимательно изучил старика. Тот щурился от солнца, и со стороны могло показаться, что он смеется. Губы и подбородок его еле заметно тряслись, выдавая возраст и старческие болезни, но глаза были живые, яркие как у молодого человека. Несмотря на сгорбленный вид, старик двигался довольно шустро. И оказался, к тому же, необычайно словоохотливым. Не дожидаясь просьбы Луки, но, словно предвосхищая вопрос, он начал рассказывать о церкви, и о тех домах, что стояли рядом. Видно было, что старику приятно от того, что кто-то его слушает, а память его, вероятно, хранила в себе множество сведений о всех тех людях, когда-либо живших здесь. И вовсе он не казался сумасшедшим.

Заметив, что чаще всего Лука поглядывает на резной мост, старик взял его за руку и подвел к фигурам истуканов. Похлопал по одному и с нескрываемой гордостью поведал:

– Этот мост – моего деда работа! А как сохранился-то, а?!

Он нахмурился, как будто вспоминая.

– Это ж сколько лет прошло? Моей матери тогда лет десять было. Или пять? Она в семье-то самая младшая... – бормотал он.

Лука тем временем смотрел на почерневший резной облик деревянного истукана, удивляясь искусности работы.

– Хорошо сделано, – подметил он. – И ведь все разные. А дерево-то, лиственница, похоже. Тяжело, небось вырезать было? – повернулся он к старику.

Но тот все еще был погружен в раздумья.

– Вспомнил! – наконец, воскликнул старик. – Году в тринадцатом, однако, то есть еще до революции. Если бы позже, никто бы его в богохульстве не обвинил и поп наш деревенский не проклял бы...

– В богохульстве? – переспросил Лука.

Потом вдруг сообразил про «тринадцатый год». Это ж когда было. Сто лет назад...

Старик дал понять, что ошибки здесь нет.

– Это мосту столько. А болваны эти страшные, они поновее. Но те, которые раньше стояли, их дед мой собственноручно первый раз вырезал, те гораздо страшнее были. Четыре ужасных твари. Мать рассказывала: все четверо, как на подбор – чуть ли не из ада гости. И как живые. Рожи – страшнее не придумаешь. Она говорила, батя ее, как подопьет, так и начинал здесь, возле мостика, прохожих поджидать вечерами. Для начала выскочит, напугает, а потом как начнет стращать преисподней да дьявольскими муками, и все на этих тварей показывает. Как-то он и попа деревенского подкараулил, чуть до сердечной слабости не довел. Тот его и проклял. Скандал вышел. Ну, а голова тогда рассудил, что коли мост для деревни нужду представляет, то его оставить, а истуканов этих спилить к чертовой матери. Ну а уже опосля революции дед взамен уже других истуканов вырезал, не таких страшных.

– Забавная история, – вежливости ради посмеялся Лука. Старик уже начал его напрягать.

– А еще мать сказывала, что не спроста он этих чудищ вырезал. Как будто видел он их однажды. Говорили, мол, брехня. Да какая брехня, если Еремеич еще черт знает сколько лет назад от белой горячки помер – все, рассказывал, черти к нему из леса приходят. А он на краю деревни жил. Да и многие тогда рассказывали...

Старика понесло – он нашел новую тему для разговора. Лука уже понимал, что надо уходить, но старик все не унимался. Найдя повод, Стрельников сослался на то, что ему нужно

попасть на автостанцию. Старичок напросился с ним. Было невозможно отказать старому человеку, и Лука согласился. Он ожидал, что попутчик прожужжит ему все уши, но за короткую поездку, вопреки ожиданию Луки, старик произнес всего несколько слов, а как приехали на место, вышел из машины и сразу, даже не попрощавшись, куда-то исчез. Уже становилось жарко, и не было ни малейшего желания сидеть в душном салоне, а до назначенного времени встречи с братом оставалась еще уйма времени.

Автостанция – конечно, это было сильно сказано. Возможно, здесь, на площади почти в самом центре деревни, где, словно солнечные лучи, сходились главные улицы, когда-то и стояло сооружение, годное для ожидания автобуса, но теперь от этого строения остались несколько обгоревших столбиков, да щит с козырьком для расписания.

Лука открыл все окна в машине, пошире, насколько это возможно было сделать в «Уазике», а сам, подстелив на землю старую кожанку, уселся рядом с колесом под тень автомобиля. Из этого положения он снял воробьев, купающихся в пыли, старую собаку, ковылявшую через площадь и остановившуюся посмотреть на чужака, а заодно и попозировать. Двух женщин, вышедших из конторы, расположенной напротив. Они прошли мимо, с любопытством разглядывая Стрельникова, вскоре он услышал их смех. Лука нисколько не сомневался, что его появление здесь добавило тему для разговоров на всю ближайшую неделю. «А вы видели наемного фотографа? Такой весь важный...» – что-нибудь в этом роде. Не за одной порцией самогона о нем вспомнят.

Вспомнив о выпивке, Лука неожиданно сообразил, что забыл самое важное. Сам он спиртное не потреблял, но брат наверняка не откажется. Решив ненадолго оставить машину, он закрыл двери и направился к поселковому магазину, который находился на другой стороне площади рядом с конторой.

В магазине было заметно прохладнее, чем на улице, светло, но мрачно – обычная деревенская изба, приспособленная под торговлю. С порога ударил в ноздри аромат свежего хлеба, к которому примешивался легкий запах бытовой химии. И действительно, товар тут был всех видов: продукты, хозтовары, одежда, разве что ассортимент небогат. На потолках висели ленты-мухоловки, черные от налипших мух. У небольшого окна на табуреточке сидела продавщица и лузгала семечки. Заметив посетителя, она сначала близоруко прищурилась, затем поняла, что это кто-то незнакомый, отодвинула семечки и наспех вытерла рот, но и все равно, как это часто бывает, здоровенная черная половинка шелухи осталась на ее подбородке.

– Здравствуйте, – первой сказала она.

Лука поздоровался в ответ и потер пальцами собственный подбородок.

– У вас тут... налипло.

– Спасибо, – она отряхнулась и сразу как-то даже растаяла вся, заулыбалась. – Чего желаете?

Взгляд Луки уже свыкся с разнорослицей на прилавках, но среди прочих предметов он не замечал знакомых силуэтов с бутылками.

– А водка есть? Сколько стоит?

– Водка только в магазине у трассы, рядом с заправкой. У нас не положено. Но...

Оказалось, что для него товар найдется, и даже подозрительно дешевле, чем в городе. Лука уже собрался было достать деньги, как за спиной раздался уже знакомый хриплый голос:

– Повремени, сынок.

Это снова был тот старик. Лука почувствовал, что на этот раз «сумасшедший Лёлик» от него так просто не отвяжется. Но не пошлешь же старика.

– Пойдем ко мне, я тебе такого первачка налью, никакой Смирнов, никакой Немиров не сравнится. И денег не возьму.

– Уж он тебе нальет. Мало не покажется, – хмыкнула продавщица, недовольная потерей клиента. – Алкаш старый.

– Я с ведьмами не разговариваю, – сквозь зубы процедил старик, смотря в лицо Стрельникову.

– Ишь ты, ведьма! А как за сахаром приходить, или за дрожжами, так не ведьма? Ты в сторону-то не смотри. Ты на меня посмотри, рожа ты бесстыжая!

– Ладно, Мария, я тебе это припомню, – повернулся он к ней.

– Что ты мне припомнишь? Да я на тебя тьфу! Это я тебе припоминать должна.

– Ладно, ладно, не сердись, – пошел на попятную старик, – Машка, ты же знаешь, я дурной, но отходчивый. Вот медок у меня поспеет, я тебе баночку пожалуйю.

– Да иди ты, – незлобиво отмахнулась та, видимо уже привыкшая к его выкрутасам.

– Ну, так как? – поворотился старик к Стрельникову, который уже успел пожалеть, что вообще заявился сюда.

– Иди уж, – согласилась продавщица. – У него товар лучше. Нашу водку только заезжие потребляют, да гастарбаты разные. Это ж хачики с Лысовки возят. У них там завод бодяжный.

– Пойдем, пойдем, – поманил за собой старик. – Тут рядом. Всего несколько дворов.

Стрельников отправился за ним, проклиная себя за уступчивость («И вполне Виктор обошелся бы без выпивки!»), – обратно на ту улицу, где был мост с истуканами. «А-а, черт, машина!» – неожиданно вспомнил Лука, но старик словно угадал его мысли.

– Ты ее на площади оставил? Ну, так ей ничего не будет.

Позже Лука понял, что таким успокаивающим заверениям доверять не стоит. Стариловское «ничего не будет» обошлось ему в три вывернутых ниппеля и снятую подсветку номерного знака – но об этом Лука узнал гораздо позже. Брат потом заверил, что бывает и хуже. Могли и колеса свинтить, да спасли гайки-секретки.

Сейчас же Лука Стрельников шел к старику, который по дороге пенял на соседей, живших на другой половине дома, и которые, как понял Лука из его гневной речи, всячески презирали не только его увлечение самогоном, но и недолюбливали его пчеловодство – оно понятно. Меж тем, дедок не производил впечатления злобного и непутевого человека. Скорее неугомонно болтливый. Пока шли, старик успел много рассказать о себе. О том, что вдов, что детей нет, что пенсия невелика, хотя почти полвека он проработал слесарем и одновременно столяром на ферме, но и той фермы нет уж, почитай, лет двадцать.

Зайдя во двор, Лука подивился его аккуратности, удивительной для человека, которого все привыкли считать сумасшедшим. Откуда-то выбежала старая лохматая собака, похоже, та самая, которую он снимал на площади, повиляла ему хвостом, как старому знакомому и пропустила гостя, гавкнув только для порядка, да и то, в сторону улицы.

В избе, куда старик ввел Стрельникова, тоже было чисто, мебели немного – два шкафа, стол, кровать, да тумба со старым телевизором – как водится, накрытым обрезом тюля. По-видимому, комната служила старику и спальней и кухней одновременно – на столе стояла посуда и хлебница. Дед достал из платяного шкафа здоровенную бутылку, литров на двадцать еще две пустых поллитровки и воронку. Поставил все на стол.

– Ты-то сам как, выпьешь чуток?

Лука отказался.

– Я для брата бы взял. Чтоб не с пустыми руками.

– Для брата, это хорошо. У моей матери вот тоже брат был, – говорил старик, разливая прозрачную жидкость по бутылкам. – А у меня одни сестры. А дядька мой с ума сошел. Помнишь, я когда про деда своего говорил, который тех истуканов вырезал, Еремеича упоминал? Так вот, это он и был, мой дядка. Еремеичем его вся деревня звала. Вот он рассказывал, что самолично встречал в лесу тех уродливых тварей, которыми страшал мой дед. Его отец, значит. Упертый был, Еремеич. Над ним смеялись, а он все одно – видел и все тут. Особенно когда спиваться начал, кто ему скажи слово супротив, мог и зашибить.

Старик достал стакан, нацедил в него, отпил, удовлетворенно хмыкнув. Лука неожиданно понял то, чего не заметил раньше – старик уж давно навеселе.

– Твой брат на автобусе должен приехать? – спросил старик и, не дождавшись ответа, продолжил: – У нас автобусы раньше ходили четко по расписанию. Даже в газетах писали, хвалили. А знаешь, почему? Так ты не знаешь историю о Хворостове, нашем начальнике автостанции? – удивленно воскликнул он.

Лука вынужден был согласиться, что не знает.

– Ну, сынок, это такая история! Ей уж лет двадцать. Видел ты нашу автостанцию? Сгорела она. От зала ожидания аккуратно именно тот уголок остался, где Хворостов скончался в страшных муках. Говорили – слишком много принял на грудь. Так и было, не стоит и сомневаться. Да только то – полправды. Этот начальник-то при жизни был, знаешь какой требовательный, таких еще поискать. А у нас ночной автобус всегда в Тихоновке оставался – его в колхозный гараж загоняли, чтобы рано утром, часов в семь, в город отправился. А шофера, они не все сознательные – есть среди них любители выпить. А какая с похмелья поездка? Вот и гонял он их. Ну, Хворостов, то есть. И вот однажды поставил шофер автобус в гараж, устроился на ночлег, да и вспомнил вдруг, что забыл путевку отметить. Можно было и до утра подождать, да только он человек был не менее сознательный, чем Хворостов. А начало зимы было. Часов не скажу во сколько, но уж темно давно было, когда он на автостанцию пришел, потому как начальник прямо там и жил – в специально отведенной комнатке. Пришел он, значит, к нему, а начальник и скажи – хочешь, мол, выпить? Тот чуть не упал. Сам Хворостов ему предлагает? Шутит, наверное? Да тот не шутил – и вправду достал бутылку, стаканы, закуску нехитрую. «Жену мою помянем», – сказал он шоферу, ну тот и согласился – неудобно стало перед человеком, о горе которого вся деревня знала: жена-то его месяц тому в реке утопла. Она фельдшером была и на дальний кордон отправилась на лодке. Да перевернулись. Которые спаслись, а она нет. Тело так и не нашли – унесло течением. Да и где ее в тайге, разве сыщешь?

Ну, дак вот. Выпили они, шофер с Хворостовым, значит, закусили, да не по разу – захмелеть успели, как вдруг начальник ему говорит: «Жена ко мне сегодня придет. Боязно. Оставайся, одному не так страшно». И признался, что и сам обрадовался, когда шофер вдруг среди ночи появился. А шофер тот уже пьяненький был, но смекнул – никак у Хворостова крыша поехала. Как это так – жена померла, и вдруг явиться должна. Ему вдруг самому страшно стало. Давай шофер уговаривать начальника, чтобы тот спать ложился, а Хворостов ни в какую – нельзя, мол, пока за полночь не перевалит, а там лучше утра дожждаться. И все про жену свою, покойницу, талдычит, что, мол, если она придет, а они уснули будут, худо им придется. Спать, мол, никак нельзя. «Но ты, так уж и быть, ложись, – предложил, значит, Хворостов шоферу, – а я пока покараулю». А шофер еще больше испугался. Ага, мол, я лягу, а ты совсем спишишь, и ну как мне ножом по горлу? В общем, не стал ложиться, хоть и очень спать хотел, как потом рассказывал.

А начальник свое продолжает, так что уже никаких сомнений в его сумасшествии не осталось. Говорит шоферу: «Приходит ко мне она почти каждую неделю, зовет открыть. Да я боюсь пущать. Как-то раз видел в окошко – уж слишком страшна».

Парень тот, шофер, уже не знает, куда деваться, что бы и не прогневить начальника, но и сбежать от него. А на улице вьюга началась, ветер воет так, что будто волки за порогом стоят. Выйти страшно. И вот среди самой ночи, когда начальник уже перестал о жене говорить, стучит вдруг кто-то в окно. Напугались оба. Сидят, не шелохнутся. Свет выключили специально. Прошла минута, и вдруг кто-то заговорил сквозь дверь громким шепотом: «Не забыл ли ты про меня?»

Слушая старика, Лука в этот момент вздрогнул и только сейчас понял, что тот рассказывает в лицах, пытаясь передать разницу в голосах.

– И впрямь женский голос как будто показался. Только хриплый, – продолжал старик. – И подумал тогда вдруг шофер: это мальчишки балуются! Сердец у них нет, вот и изводят старого человека, представляются под его жену-покойницу, измываются. Не выдержал он. Как закричит. Схватил топор, фонарь и в дверь! Распахнул ее, топор наготове держит. Никого на улице нет. Одна чернота и снег падает. Увидел он следы. А пьяненький уже был. Кричит: «Я вас сейчас выслежу, убью! Будете знать, как потешаться!»

Побежал он по следам, а те запутанные очень. Да еще вьюга-подлюка. Значит, перебежал он через площадь. А когда услышал вдруг за спиной крик дикий, повернул назад. И увидел, что в доме Хворостова, то бишь, в самой автостанции огонь горит. Так полыхает, что не затушить. Пытался он снег бросать, да что толку. До самого порога пламя, войти нельзя. Все услышали его крики. Да как надрывается начальник в избе. Люди стали сбегаться. Пытались тушить, но огонь словно заколдованный.

Так и сгорел Хворостов. А шофера обвинили в том, что это он виноват в пожаре, водился за ним раньше грешок: бензин и соляру подворовывал, а начальник узнал, так вот он и решил с ним счета свести. Потом, правда, за него заступились, закрыли дело – уж больно все неоднозначно было. Но отсидеть успел – почти с год, пока разбирались. Он много рассказывал. А вот то, чего сказать не посмел. Говорил, что до того как сбежались деревенские, видел бабу возле пожарища! Страшную, как те истуканы на мосту, которых я тебе показывал. И, главное, не сказать – одетая или голая, или какие лохмотья на ней. Глазищи красные и космы – только по ним он и определил, что женщина, хотя не факт. И фельдшерицу утопшую едва ли была похожа. Хотя и это, как посмотреть. Она его тоже видела. Хихикала, говорит, как безумная, и плясала. А потом – словно сгинула... Много чего он рассказывал, да мало кто ему поверил.

Когда старик замолчал, то сильно подивился тому, что одна из поллитровок оказалась наполовину пустой.

– Эх, я разговорился-то. Языком натрепал. Было бы кому – тетере городской неверующей, – пробурчал он себе под нос, словно и не стоял рядом Лука. И вдруг заплакал.

«Ну, все, совсем шифер сорвало». Лука не знал, смеяться ему или нет. Он улыбнулся, но тут же перехватил взгляд старика – пытливый, и впервые показавшийся злобным.

– Веришь или нет? – вытря слезы, с хищной усмешкой спросил старик и усмехнулся зло, не дождавшись ответа, – а хороша байка? Выдумал я это все. А ты и уши распустил. Знать, неплохо еще умею сказки сочинять. А дед мой еще лучше умел...

Стрельников начал догадываться, почему старика местные кличут сумасшедшим. Но не успел он обдумать эту мысль, как старик внезапно переменился в лице, вновь стал добродушным и веселым и заново наполнил опустошенную бутылку, всучил обе Стрельникову в руки и выпроводил на улицу.

2. Крик

Обретя свободу, Лука поспешил к «автостанции». За разговором он и не заметил, как пролетело время. Когда очутился на площади, только что прибывший автобус как раз разворачивался. Начали выходить пассажиры, и Стрельников сразу увидел брата – Виктор выбрался из салона в числе первых. Он был экипирован, как завзятый таежник, «от и до»: на плече висело ружье в чехле; два рюкзака приторочены, один, маленький, спереди, другой, огромный, за спиной; что-то набито было в набедренные карманы охотничьих штанов.

Лука шагнул навстречу.

– Здорово, брат! – голос его все-таки сорвался.

– Здорово, сукин сын! – Виктор стащил с шеи маленький рюкзак и схватил Луку в объятия.

Действительно, здоров, как бык. Аж в ребрах затрещало.

– Сколько ж лет мы не виделись? – спросил Виктор, когда отошли в сторонку, чтобы не мешать никому. Заметив, что Лука смущенно молчит, решил повременить с расспросами, перешел сразу к делу:

– Отлично, что ты все-таки приехал. Жить тебе придется в Море. Лучшего места для твоих съемок не найти.

– В каком еще море? – не сразу понял Лука.

Насколько он помнил, здесь не то чтобы настоящего моря, а даже искусственных водохранилищ не было.

– Это деревушка так называется. Мора, – пояснил Виктор.

– Мора!? – Лука. Кажется, он где-то слышал это название. И связано это было с каким-то неприятным воспоминанием.

«Мора...Мора...»

– Места там красивейшие, не то, что здесь, – голос Виктора прервал его мысли. – Самая высокая точка в округе, да еще изолированная. Там кругом разломы в коре, почти каньоны. Ручьев и ключей не счесть. Правда, до цивилизации далеко, а электричества сроду не было. Но я тебе дам генератор – мне он до зимы не понадобится, а тебе на подзарядку аккумуляторов и на освещение хватит. Можешь проводить свои натурные съемки, или как там их называют, сколько душа пожелает. Солярой-то хоть затарился?

– Затарился, и бензином тоже, – машинально ответил Лука. – Значит, говоришь, красиво там? – спросил он, все еще находясь под впечатлением от услышанного.

Мора – что-то до боли знакомое. Когда и где он слышал это название? Но вспомнить никак не мог.

– Красиво? Не то слово!

– А народу много?

– Там живых людей – всего пятеро. Две бабы, да три старика. Разве что я денька два поживу с тобой. Потом сопровожу тебя к долине, а сам сплавлюсь вниз. У меня и лодка здесь уже подготовлена.

– С тобой не пропадешь, – Лука похвалил запасливость брата.

– С тобой, я вижу, тоже, – тот заметил две бутылки в пакете.

Оба рассмеялись. Но, если Виктор искренне, то Лука сдержанно. Вспомнив рассказ о начальнике Хворостове, он обернулся, посмотрев на черные, словно стыдливо прячущиеся в кустах остатки сруба автостанции. В существование призраков он не верил, но в то, что от местной катанки можно окочуриться – вполне. Он даже пожалел, что взял у старика самогон.

– Ну, хвастайся, где твоя машина? – сказал Виктор.

Тогда-то Лука и обнаружил следы покушения.

– Пацаны на велики скрутили, – знающе подметил Виктор.

Хорошо, что Лука взял с собой запасные ниппеля, да компрессор был хороший – быстро накачали колеса. А без подсветки номера пока можно обойтись.

У Виктора в Тихоновке жил знакомый, Юрий, у него брат еще две недели назад оставил на хранение генератор и лодку. Вечером, за ужином, делясь с братом и его приятелем впечатлениями о деревне, Лука рассказал про знакомство со стариком и про его рассказ о сгоревшем начальнике.

– Так это сумасшедший Лёлик тебе самогона налил?! – чуть ли не в голос воскликнули оба.

– Ну да.

– Это он про своего сына тебе рассказывал, – сказал Виктор. – Того чуть не засудили, когда начальник автостанции сгорел.

– Про сына?! – удивился Лука. – А говорил, что выдумал.

– Да он эту историю всем рассказывает. Это уж давно было, его сын тогда водителем работал в автобазе. Тихоновка тогда райцентром была. Здесь несколько маршрутов проходило автобусных.

– А что тогда случилось? С Хворостовым?

– Напились они, видать, – сказал Юрий. – Под сумасшедшего закосить хотел. Все кричал, что Хворостова черти сожгли. Пока под судом ходил, жена от него сбежала, да и родственнички гнилые оказались – у старика-отца полхаты оттяпали, пока сын в тюрьме суда дожидался. Отсюда мораль – меньше надо пить.

Все трое посмеялись, но один Лука неискренне. Ему жаль стало старика.

Утром, как следует выпавшись, погрузили генератор в машину, затарились всем необходимым в магазине, где продавщица строила братьям глазки, в особенности рослому Виктору. И в десять утра Лука уже гнал свой «Уазик» по гравийному шоссе, почти пустынному. Незаметно прошло время, и кое-где на подъемах видны были вершины плоских гор, укрытых дымкой. Еще через какое-то время им пришлось свернуть с более-менее хорошей дороги на грунтовку. Словно нехотя «буханка» поплелась по грунтовке, досаждая пассажирам гневной тряской.

Подымавшаяся верх по склону дорога в нескольких местах оказалась рассечена извилистой глубокой промоиной. Лука имел кой-какой опыт, но и все равно внутри все трусливо сжималось, когда он направлял колеса по краю образовавшегося оврага. Чтобы лучше видеть дорогу, приподнялся над сиденьем, крепко держа руль.

– А что, дожди здесь часто бывают? – поинтересовался он.

– Когда как, – ответил Виктор, участвующий в движении нервными вздохами. – Иногда может зарядить. Бывало, что и дней на пять. А обычно – в меру сухо.

– Ничего себе, в меру. Может это уже те самые каньоны? – миновав очередной опасный участок, Лука протер лоб. Оба засмеялись.

Лес становился все гуще. А дорога по-прежнему вела то вниз, то вверх. Но больше вверх – на одном из поворотов открылся великолепный пейзаж. Внизу лежала тайга, занимая весь обзор. Разве что где-то в самой дали, у горизонта, можно было еще угадать едва заметные пятячки распаханых деревенских земель. Всеобщая безжалостность к лесам еще не затронула этот уголок – по пути попало всего две-три небольших вырубki. А в целом лес действительно можно было назвать непроходимым. Так же как и пролежавшую сквозь него дорогу. Изредка попадались промытые овраги и лужи, но их размеры и сейчас, когда на небе ни облачка, вызывали опасение.

«Да, ежели развезет, отсюда и на полном приводе не выберешься», – подумал Лука, вспоминая бородатый анекдот о крутых джипах и тракторах, за которыми идти тем дальше, чем круче джип.

– А почему такое название? Мора, – спросил он.

– Кто его знает, – Виктор задумался. – Странное название, нехорошее, я бы сказал. Может потому и народ оттуда сбег. Когда-то селение было приличное. Сам-то я сюда не так давно ходить начал, а еще застал момент, когда тут хотели трассу гнать, да заглохло все. Сейчас мы как раз выйдем на тот участок – промежуточный.

И точно, вскоре машина выбралась на относительно приличную дорогу – широкую и отсыпанную крупным щебнем. Сквозь камни густо проросли кусты, нередко попадались мелкие сосенки. «Уазик» подминал их с легким шелестом. Непонятно только было, как сюда доставляли технику, если позади остался кусок почти непроходимой узкой грунтовки.

Предвосхищая вопрос, Виктор удовлетворил его любопытство:

– На вертолетах высадили десант, людей, технику, вот они тут несколько лет в глухой тайге трассу и мостили, благо щебня да гравия вокруг хоть завались. До того съезда чуть-чуть не добрались. А эта дорога к Море идет, и еще после нее немного. Километров пятьдесят сделали. При Советах же деньги не считали. А когда коммунизм кончился, все комсомолы-добровольцы и разбежались. Если хорошо поискать, до сих пор можно наткнуться на брошенные бульдозеры и другую технику. Местные, правда, все, что можно было давно посвинтили, но остовы так и валяются. У меня знакомый вертолетчик из пожарной охраны приноровился между делом таскать этот хлам из леса и сдавать на металлолом в городе. Говорит, даже если с начальством делиться, можно зашибить неплохую денюгу. Да тут все воровством промышляют – кто лес грабит, кто в лесу. Так что ты машину надолго не оставляй без присмотра. Народу вроде мало, зато лихие шастают. Если уж набредут...

В этот момент шум двигателя разорвал крик.

Лука резко ударил по тормозам.

Крик повторился. Протяжный, почти человеческий, и все же более напоминающий вопль раненного зверя.

Не глуша двигатель, Лука приспустил стекло и, сам не зная для чего, нажал на сигнал. После этого раздался новый вопль – так, наверное, кричат в агонии. А вслед за ним – отчетливый стрекочущий рык. На какое-то мгновение оба звука переплелись в единый вой, стали приближаться.

В считанных метрах от машины на дорогу выскочил обезумевший медведь, заставив Луку оторопело вжаться в сиденье. Увидев машину и сидевших в ней людей, в первую секунду зверь отпрянул, а затем, уже не раздумывая, перебежал просеку. Так быстро, как будто это была разделительная полоса между смертельной опасностью и спасением.

Крик с той стороны, откуда улепetyвал косолапый, только теперь визжащий, еще раз повторился, сопровождаясь треском сучьев, и все стихло.

– Что это? – Лука глянул на побледневшего Виктора.

– Шут его знает, – Неожиданно для брата, он короткими движениями перекрестился. – Медведь с медведем тайгу не поделили.

– Или не с медведем... – добавил Лука, и подумал вдруг, что это может быть совсем недалеко от истины.

Не двигаясь, они просидели минуту, другую, пока не услышали легкий перестук, словно бьющихся друг о друга ветвей, который вполне можно было принять за игру ветра, если бы они не думали о случившемся.

– Все-таки нужно посмотреть. Как ты считаешь? – было заметно, что это предложение далось Виктору нелегко.

Лука торопливо кивнул, стараясь не показаться трусом.

Виктор потянулся в салон за карабином и собрал его быстрыми движениями, Лука взял походный топор – хоть какое-то оружие. Не рискнув хлопнуть дверями, они оставили их открытыми.

Остановились у обочины, всматриваясь проход меж густых зарослей, оставленный медведем. На траве блестели пятна крови.

Сквозь проход, за тянущимися вдоль обочины кустами виден был ствол поваленного дерева, лежавший в нескольких шагах от них. Дальше него специфичный густо матовый таежный сумрак вставал трудно проглядываемой мрачной пеленой. Сквозь хвоистые верхушки солнечный свет с трудом пробивался даже в полдень, позволяя лишь убедиться в полном отсутствии трав и подлеска, вместо которых здесь был один только густо укрытый мхом валежник.

Они прошли еще немного вперед и оказались за чертой разорванного кустарника. Стрельникову доводилось бывать в разных лесах. Он удивился, что деревья здесь – в основном кедр, хотя попадались и лиственницы – росли не часто, и лес вставал сплошной стеной лишь за десятки метров. Вот только такого давящего ощущения, низводящего человека в ранг ничтожнейшего существа на земле, он никогда не испытывал. Гигантские кроны, нависавшие над стволами, покрытыми мхом, смотрели на людей с огромной высоты. Пряча небо, они слегка колыхались, удивляя своим спокойствием.

– Как думаешь, – зашептал Лука, – откуда был крик?

– Из машины направление трудно угадать. Если не ошибаюсь, оттуда, – так же тихо ответил Виктор и показал пальцем.

Там, куда Лука направил взгляд, не было ни поваленных стволов, ни вырванных из земли корней, ничего, что могло бы послужить укрытием. Если что-то или кто-то находился здесь минутой назад, то они опоздали.

И все же неизвестность точила нервы, и братья двинулись вперед, желая выяснить все до конца.

Виктор шел впереди, Лука двинулся вслед за ним, то и дело оборачиваясь, готовый в любой момент пустить топор в ход, и все же больше надеясь на оружие брата. Вскоре их взглядам предстал пятачок истоптанного мха, густо усеянный вырванными клоками земли, сломанными ветками и ободранной корой.

– Смотри, – Виктор показал на следы, уходящие вглубь леса, откуда, наверное, и бежал медведь.

Не забывая поглядывать по сторонам, они обследовали каждый метр как будто вспаханной лесной подстилки и кое-где обнаружили следы крови.

– Кто бы мог его напугать, да еще поранить? – прошептал Лука.

– Не знаю, – ответил Виктор, – здесь только медвежьи следы. Одного зверя.

– Не сам же он на себя напал?

– Даже боюсь предположить, с кем он мог схватиться. Возможно, мы его спасли своим сигналом.

Когда они собрались возвращаться к машине, взгляд Луки уставился на соседнюю лиственницу. Могучие ветви оказались процарапаны бороздами.

Он показал следы брату.

– Зачем медведю цепляться за ветвь, да еще на такой высоте? – хмыкнул тот.

– Ну-ка, подсади меня.

Лука вполз на плечи брата и вблизи рассмотрел один ряд борозд. Они оказались глубокими, особенно по краям следов, с округленными выемками, из которых натекала живица. Стараясь не производить шума, орудуя лезвием топора как ножом, Лука освободил сук от коры и убедился в том, что выемки уходят в дерево глубоко – как будто вонзили толстое шило. А одна из них преподнесла сюрприз.

– Не знаю, что это такое, но я очень не хотел бы встретиться с этой тварью, – Лука протянул Виктору обломанный коготь, застрявший в древесине.

Тот удивленно раскрыл рот.

– Ничего подобного не видел!

Лука в задумчивости отломил от ветви высохший отросток. После громкого щелчка что-то черное и стремительное неожиданно выскочило из зарослей, промелькнуло между стволами. Виктор дрогнул и уронил брата, благо мох смягчил падение. Оба вскочили, попутав оружие. Виктор схватил топор, Лука – его карабин.

Это оказался ворон. Вылетев непонятно откуда, он сел на ветку ближайшего дерева. Наклонив голову, посмотрел внимательно на людей. Лука нацелился, но Виктор остановил его.

– Нельзя. Как-то давно один старый охотник сказывал, что встретить ворона на охоте – это особое зрелище. Они иногда появляются совершенно неожиданно, и могут всю дорогу сопровождать охотника. При этом совершенно не боятся людей. Старик говорил, они словно заранее знают, где должна пролиться кровь. Но если охота будет неудачной, поддастся раздражению, убить ворона – крайне плохая примета. Сам он, напротив, всегда задабривал черных спутников. И я с тех пор тоже.

Все так же молча, ворон, будто застыв, сидел на ветке, сверля людей черным глазом.

«И какого же охотника ты сопровождал?» – подумал Лука.

Он снова вздрогнул, когда ворон неожиданно сорвался с места и, громко хлопая крыльями, исчез в глубине леса.

– Давай-ка уберемся отсюда, – предложил, наконец, Виктор.

Лука снова посмотрел на коготь и представил размеры существа. Выходило, что оно было довольно крупным. Во всяком случае, не меньше собаки или рыси. А, судя по тому, какой страх оно нагнало на медведя, увидеть его воочию совсем не хотелось. По пути к дороге, Лука, помимо того, что не забывал оборачиваться, посматривал на соседние деревья, надеясь заметить такой же след. Может быть, эта тварь перескакивает с одного ствола на другой, как белка? Гигантская белка. Белка-убийца? Это просто смешно...

Однако других следов он больше не увидел. Возвращаясь к машине, Лука смотрел вверх гораздо чаще, чем под ноги. Ему мерещилось движение в ветвях, но что там в действительности скрывалось в разлапистых кронах с огромными колючими шапками – можно было только гадать.

До деревушки Мора они добрались без приключений, но крик из леса все еще стоял в ушах. Всю дорогу Лука думал о том, как повел бы себя, столкнувшись он с неизвестной тварью глаза в глаза, как это случилось с медведем – самым непредсказуемым и сильным животным в таежных дебрях. И как оно могло выглядеть, это существо? Сжимая в кулаке коготь, он подумал, что нужно расспросить местных – не доводилось ли им встречаться с чем либо подобным?

В голову лезли разные мысли – об истуканах в Тихоновке, о рассказах сумасшедшего Лёлика про чертей, призраков и разных тварей.

А еще – он вспомнил, когда впервые услышал название этой местности. Похоже, что однажды прочитанная им байка вдруг так неожиданно нашла косвенное подтверждение – это то самое место и та самая Мора!

Это было всего полтора года тому назад, но он даже успел забыть.

«Вот так попал...» – подумал Стрельников и словно вернулся в прошлое...

3. Сказка

Он тогда здорово удивился, когда обнаружил в почтовом ящике извещение на заказное письмо. Оказалось, от Сережки Сафронова – старинного приятеля. Получив конверт в отделении, Лука не удержался и тут же вскрыл его. Внутри была старая тетрадь в тканевом переплете и приложенная к ней записка. Сергей писал, что тетрадь дает Стрельникову лишь на время, и заберет обратно по возвращении из очередной экспедиции.

Тетрадь Лука подробно изучил уже дома. В ней оказались собраны весьма занимательные истории. Сафронов был прекрасно осведомлен о тайном хобби Стрельникова – собирательстве различных народных сказок и легенд, и не сомневался, что тот будет доволен. Правда, Лука в мыслях крепко отругал товарища. Мог бы позвонить и передать тетрадь лично. Ничто не мешало бы и «хлопнуть по маленькой». Знал бы тогда Лука, что никогда больше не увидит друга...

Уже вечером, лежа на диване, Лука взял в руки тетрадь, приготовившись к интересному чтению. На первом развороте он прочел:

«Местные сказки, предания и байки, записанные Митрохиным Иваном. 1954 г.».

Оказалось, этот неизвестный человек – Иван Митрохин – был одержимым фольклористом. Лука зачитывал по очереди названия, указанные на первой странице, и пришел к выводу, что интерес для составителя представляли определенно ужасные истории. «Рассказы о мертвецах» (надо почитать), «Лихо одноглазое», «Звериный погост» (тоже, наверное, любопытная вещь), «Ведьмин пир» (да уж, такие истории на ночь читать не стоит), «Рассказ о гибели семейных купцов» (впрочем, ночь длинная), «Воскрешение мертвеца по местному шаманскому обычаю, или о том, как превратить одно живое в другое живое» (этот Митрохин был явно не в себе), «Скала демонов. Пять вариантов»...

Название этого рассказа, в отличие от остальных, было жирно обведено. Лука решил начать именно с него. Отыскал нужную страницу и принялся читать.

«В окрестных от речушки Мора поселениях, которых, по правде говоря, не так уж и много (от силы наберется три-четыре захудалых хуторка, одна стоянка геологов, да деревенька, носящая то же название, что и речка), бытует легенда о так называемой «скале демонов». Существует несколько вариантов – практически все в форме сказки с характерными языческими атрибутами. Сюжет всех историй примерно схож: верховное божество создало множество миров. В каждом находилось что-то, что не удовлетворяло Создателя и он, создавая миры друг за другом, уничтожал их, пока не сотворил наш мир, который показался ему лучше предыдущих. Когда Создатель понял, что этот мир вполне его устраивает, он заточил в огненную скалу всех тех демонов, которые доселе помогали ему не только создавать, но и разрушать миры. Заточил, дабы они не взялись и за тот, который пришелся ему по душе.

Однако Создатель проявил странную опрометчивость – позволил остаться на свободе всем остальным демонам: тем, кто хитрил, завидовал, устраивал подлости, и в целом только тем и занимались, что подбивали людей на разные богопротивные деяния. Об этом узнали демоны разрушения, что были ввергнуты в скалу, и пришли в крайнюю ярость. И они поклялись – как только вырвутся наружу – уничтожат сотворенный им мир и создадут собственный. И даже сам Создатель не остановит их.

Как я понимаю, образ «скалы демонов» навеян реально существующим уникальным природным объектом – огромной скалой, расположенной посреди девственного леса. Этот «живой» памятник природы выглядит настолько величественно и неповторимо, что неуди-

вительно – он и в самом деле мог послужить источником фантазии для людей с первобытных времен и по наши дни.

В одной старообрядческой общине, коих в наших краях уже почти и не осталось, есть свое поверье относительно «скалы демонов». Речь в нем идет о происках Сатаны, который – как тому и положено – хочет свергнуть власть Бога на Земле и основать собственный мир. И лес, растущий на древнейших каменных образованиях – это и есть место заточения падшего ангела, который пытается обмануть не только людей, но и самого Бога, взывая к жизни существа из преисподней, которые помогают ему в его гнусных деяниях. К сожалению, старики из той общины не могли выдать собственную легенду в подробной форме – она, увы, навсегда утеряна.

А вот языческие сказки замечательны подробностями, и, хотя есть некоторые отличия в деталях, я постарался записать все как можно полнее.

Из общего списка историй о «Скале демонов» одна выделяется особо. Это крайне интересный мистический рассказ о «скале». На мой взгляд – выдумка, впрочем, очень искусная. История уникальна тем, что повествование ведется от первого лица и рассказчик как будто делится реальной историей, действительно случившейся с ним. В результате создается ощущение невероятной правдивости сказанного, тем более что речь здесь идет о таинственной общине, возможно, старообрядческой. Судя по всему, эта история долгие годы замалчивалась (по вполне понятным причинам) и впервые вновь прозвучала спустя пятьдесят лет без малого. Теперь несколько слов о рассказчике – это старший Курбатов, восьмидесятипятилетний старик, последний доживший до наших дней из партии ссыльных, отправленных в эти края еще в 1908 году. Его жизнь полна приключений, представляющих особый интерес, ну, а одну из историй, на мой взгляд, наиболее показательную – о «скале демонов», – я не замедлил отразить в этой тетради.

На новой странице начиналось обещанное повествование.

«СКАЛА ДЕМОНОВ. Вариант, записанный мною со слов Михаила Курбатова и обработанный с некоторыми литературными правками:

«– Случилось это в ту пору, когда я со своим товарищем по несчастью прибыл в эти края под надзор местных властей. Поселили нас в самом глухом месте, какое только можно себе представить и обязали раз в две недели появляться в Тихоновке для отметки. Товарищ мой умер в первый же год. После тяжелой болезни он физически ослаб, и на то, чтобы жить в новых условиях, у него не хватило сил. После его смерти, оставшись один, я на некоторое время впал в кручину, принимая свою судьбу за неизбежность. Но однажды, это было на втором году ссылки, меня посетила совершенно дикая и безумная идея – бежать. И крепла она день ото дня. В глубине души я понимал, что это глупо. Я один. А выбраться из этих мест к цивилизации не так-то просто. Однако, мысль о том, чтобы справить в ближайшем относительно крупном городишке документ на какое-нибудь имя, не давала покоя. Единственная была проблема – добраться до этого городишка.

Случилось так, что к моменту моего решения по деревне прошел слух, что, дескать, появились двое из одной староверческой общины – вроде как ищут добровольца, согласного уехать к ним в скит до наступления весны и помогать в работе. Вначале я было хотел вызваться таким добровольцем, но вскоре передумал – не хотелось, чтобы мои следы отыскивались быстрее, чем я того желал.

Итак, я отважился уйти из деревни в одиночку, прихватив у одного из ее жителей ружье (пусть Бог простит меня за этот грех), и отправился вдоль замерзшего ручья вниз по течению, надеясь со временем выйти к ближайшей реке, а затем и к большому населенному пункту.

Таким образом, не вызывая подозрений, я мог миновать и Тихоновку и Худую Елань, и другие местности, где жителей мало, где все знают друг друга и сразу выявят чужака. Не стану подробно рассказывать о том, какие лишения выпали на мою долю, но только все вышло совсем не так, как я рассчитывал. Прошло несколько дней от начала путешествия, и я по неосторожности провалился в полынью, где потерял почти все вещи. Находясь в глухой тайге, без огня, оружия, да еще зимой, не очень-то веришь в провидение, но случилось так, что мне, замерзшему, едва передвигающему ноги, повезло выйти на торную дорогу прежде, чем холод и дикие звери могли лишить меня жизни. Как будто это было написано судьбой – на мое счастье по дороге проезжали как раз те самые старообрядцы, о которых я говорил. Оба встретили меня настороженно, однако тут же развели костер, дали новую сухую одежду, накормили. Оказалось, что они живут в дальнем скиту, расположенном возле речушки Мору, что находилась в ста верстах от места моей ссылки. Они действительно искали наемного работника, но ни в одном из поселений им не повезло. Я уже мало что соображал, так как фактически смерть только что стояла у меня за спиной, поэтому легко согласился поехать с ними. По простоте наивной я предполагал, что смогу сбежать оттуда, но не знал, что меня ждет.

Мы отправились в путь. Сто верст по тайге и сегодня выглядят нелегкими. А тогда – одна лошадь, никакого оружия, кроме топоров и рогатин. Кругом бродят волки, мы несколько раз натыкались на их следы. Для пущей надежности (чтобы уберечься от внезапного нападения) по углам саней на ночь выставляли горящие факелы. Сгорит один, ставим другой. Несколько раз слетали с дороги, которую и дорогой-то назвать можно было с трудом, приходилось вытаскивать сани из глубокого снега и укладывать обратно рассыпавшееся сено до последней травинки – дабы не издохла кобыла. Староверы, которых я мысленно окрестил «монахами» были настолько молчаливы, что мне не сразу удавалось вовлечь их в разговор, о чем бы я не говорил. Только когда сами они заговаривали меж собой, мне удавалось вставить несколько слов. Я никогда не относил себя к говорливым людям, но на их фоне чувствовал себя подлинной сорокой. Иногда мне становилось даже смешно оттого, сколько мыслей вызывают во мне желание болтать попусту, в то время как мои спутники ценили каждое слово. Был и другой повод насквозь проникнуться уважением к ним: когда случалось что-то непредвиденное, им в голову не приходило ныть, пытаться свалить работу и вину за случившееся на другого. Я вспомнил своего товарища – мы частенько ругались. А эти действовали так слаженно и четко, что у меня возникло ощущение, будто они говорят друг с другом одними только мыслями, и мысли эти идут в одном направлении. А при их отношении к общему делу, и мне не пристало лениться, и я старался работать наравне. Когда мы останавливались на ночлег, тоже рубил ветки для костра и точно так же дежурил в свою очередь. Льстило и то, что уже к исходу второго дня они стали относиться ко мне с доверием. Как бы там ни было, в Мору мы прибыли без особых приключений.

Я терялся в догадках. Зачем старообрядцам понадобился еще один человек, если они и так крепки телом и духом, – это можно было понять по моим спутникам. Смутно я понимал – никто из местных не отважился бы ехать сюда, разве только по крайней нужде. И раньше краем уха я слышал, что про Мору и тамошний скит ходили нелестные слухи: мол, сторожат там не кого-нибудь, а самого Дьявола. Но разве можно поверить в такую чушь, как мне тогда думалось.

Ожидая увидеть скит со старообрядцами, я не обманулся, но удивительным было другое. Кроме хозяев, в общине жили еще несколько человек, в которых я без труда опознал людей ученых и не имеющих ни малейшего отношения к религии. Со мной они разговаривать не соизволили, хотя прекрасно знали о появлении в скиту новичка. Наткнувшись на столь холодное отношение, я и сам в первое время сохранял видимое презрительное равнодушие и общался только с теми двумя «монахами», что доставили меня сюда. Да с их старцем, мужчиной

почтенного возраста, он был главный в скиту и объяснил, что у них в лесу погибли два человека, и рабочие руки требовались как хлеб и вода.

Две недели я привыкал к новой обстановке, а в канун Рождества меня вызвал настоятель и сказал, что очень доволен моим отношением к труду. Еще с момента первой встречи он показался мне суровым и жестким человеком, однако именно он позволил мне переселиться в общую избу (до этого я жил в постройке, служившей овином, где зимой было довольно холодно, несмотря на каменную печь), но с условием, чтобы соблюдались все обычаи, присущие их общине.

Вот теперь я должен рассказать про эти обычаи, точнее о главном из них, вокруг которого и завязана вся эта история. За свою тогда еще не слишком долгую жизнь (на момент ареста мне было всего-то двадцать пять лет), я видел множество монастырских общин, однако ни одна из них не казалась такой странной, как эта, хотя бы речь шла и об осколке старой веры. Да, все положенные религиозные обряды наличествовали, но отношение к ним было несколько странным и, я бы даже сказал, несколько прохладным. Как будто это были пустые ритуалы, без которых нельзя обойтись, и «монахи» весьма об этом сожалеют. Но когда наступало время, которое называли они меж собой «бодрствованием», все эти люди словно преображались. В лицах появлялась строгость, решимость, они вовсе переставали говорить, хотя и без того могли прослыть молчунами даже в царстве немых.

«Бодрствование» заключалось в том, что небольшая группа «монахов», под обязательным руководством двух «ученых мужей», отправлялась куда-то в лес, иногда они брали с собой какое-нибудь животное – козу или теленка. Вскоре после отправления этой группы, назад возвращалась та, что уходила в лес вчерашним вечером, отчего я понял, что место их бдения находится где-то поблизости. Это единственное, что я знал наверняка. И задумал в ближайшие дни узнать больше. Заняться мне все равно было нечем, тем более что я решил переждать с бегством до весны.

Улучив момент, примерно на третий день после моего переселения, я постарался сделать так, чтобы мое исчезновение не заметили те, кто оставался в скиту. Удача была на моей стороне, и вскоре я углубился в лес по широкой протоптанной дорожке и вышел к оледеневшей и запорошенной снегом речушке Море, откуда двинулся вдоль ее берега. Идти пришлось долго, я сильно устал. А потом заметил издали воткнутые в сугробы горящие факелы и пламя небольшого костра. Каково же было мое удивление, когда на поляне, где горел костер, я не обнаружил ни одной живой души. Потрескивание в костре, пощелкивание факелов, крошечная темнота за этими пятнами света и никого вокруг – такое сочетание вселяло ужас. Разум подсказывал, что нельзя кричать и звать кого-либо, но как трудно было удержаться от этого. Я подошел ближе и заметил, что поляна расположена у подножия огромной скалы, и человеческие следы огибают ее, уходя в лес.

Я долго стоял в нерешительности, но вдруг из темноты раздался жуткий вопль.

Воспоминание о том, что согласно представлениям местных жителей, здесь сидит в заточении сам Сатана, внезапно ожило в моем густо зараженном неверием в Бога сознании. Однако, прожив некоторое время вблизи с природой, я стал гораздо чувствительнее к суевериям. «А для кого предназначаются козы и телята, которых люди иногда уводят за собой в лес», – спрашивал иногда я себя.

Уж не приносят ли здесь жертвы?

Первобытный страх возобладал над моим разумом, и мне вдруг стало не по себе. Я побежал обратно...»

Лука оторвал взгляд от тетради. История эта была весьма забавной, но не настолько, чтобы сидеть голодным. Он решил на время отложить чтение. И только через час, после плотного ужина, вернулся к рассказу.

Сначала он попытался представить, как мог бы сегодня выглядеть скит из рассказа, если только он не существовал лишь в воспаленном воображении Ивана Курбатова. Он мог бы походить на так хорошо знакомые брошенные деревни – исчезнувшие во времени останки былых мест оседлости. Сколько он повидал их за многие годы. Вросшие в землю избы. Сгнившие и провалившиеся крыши, укрытые зеленым мхом. Почерневшие журавли над рассыпавшимися срубами колодцев. И над всем властвует Забвение.

Перед тем как снова погрузиться в чтение, Лука удивился, насколько ярко эти образы всплыли в его сознании. Обычно он читал, расслабившись, и полностью отдавшись этому процессу, но сейчас навеванный памятью образ умершей деревни (в одной из таких он когда-то родился) не давал полностью сосредоточиться. Поэтому Лука пролистывал странички, пытаясь вычленив из них наиболее любопытные отрывки, решив, что более подробно ознакомится с тетрадью позже.

«...Я пришел к выводу, что «монахи», а в особенности «ученые мужи» – хранители какой-то страшной тайны, связанной с этим местом. Я не стал расспрашивать о том, что узнал – боялся. Хотя очень желал выяснить хоть что-нибудь. Но спустя недолгое время случилась история, которая позволила мне частично проникнуть в их тайну. Погибли еще два монаха. Они не вернулись с «бодрствования» и все в скиту были в состоянии тяжелой удрученности...»

«...Проблема состояла в том, что в скиту находилось всего девять человек, а теперь осталось семеро, из которых один – я, непричастный к сообществу. Если случится еще что-то непредвиденное, а по лицам монахов я понял, что это вполне возможно, то их пока еще непонятная мне миссия окажется под угрозой. Настроение общинников говорило о том, что трагедии страшнее представить сложно. Правда, я слышал, как между собой они говорили о том, что должно прибыть пополнение – наставник, мол, отправил куда-то просьбу и через несколько недель можно ожидать еще четверых. А сейчас получалось, что на каждое «бодрствование» должны отправляться все обитатели скита. Естественно, кроме меня. Это был единственный шанс, позволяющий мне увидеть все собственными глазами...»

«...Когда монахи удалились, я со всей осторожностью отправился вслед за ними. Я видел, как они вышли на поляну, остановились, о чем-то совещаясь. Очень удивило, что они оставили все факелы в этом месте, расставив их кругом, а дальше двинулись без единого огня, хотя в лесу было темно, несмотря на близость полнолуния – небо было укрыто облаками. Один из монахов подвел козу, она отчаянно сопротивлялась, но вот уже двое схватили ее за рога и потащили в темноту.

Осторожно я двинулся следом, стараясь не издавать лишних звуков, хотя совсем избавиться от скрипа снега не представлялось возможным. Вскоре я потерял ориентиры и медленно пополз к непонятным звукам, полагаясь исключительно на слух. Вдруг я услышал грохот цепей, сдавленные и встревоженные голоса, что-то очень похожее на раздраженный визг, отчаянный крик – возможно козы. После чего раздался звук, который ни с чем не спутаешь – словно кто-то жевал, перемалывая твердую пищу могучими зубами.

Самое страшное было в том, что я ничего не видел и мог только рисовать происходящее в воображении.

Прошло, по-видимому, много времени. Я ожидал, что монахи и их соратники двинутся обратно. В этот момент луна неожиданно выплыла из марева облаков, и тускло осветила пространство. Я буквально впился глазами в то место, где собрались люди. Были видны лишь тени – одна из них неестественно огромная, и еще несколько крупных поодаль. Всего их было – теней – гораздо больше, чем людей, которых я знал наперечет. Кто это были, пытался решить я. Медведи, волки? Не могло быть такого, чтобы люди устраивали непонятный обряд

ради кормления диких зверей. А тени действительно были огромны и за каждое непослушное движение люди ударяли в них чем-то вроде острых кольев.

Но неожиданно большие тени заволновались, и я к ужасу своему понял, почему. Ветер сменил направление, и твари учуяли незнакомый запах. Я был уверен, что они почуяли меня. Одна из теней стала бесноваться, пытаясь вырваться из оков. Другие поддались этому внезапному порыву. Люди испуганно кричали, указывая в мою сторону. И вдруг одна из тварей рванула так сильно, что цепь не выдержала и лопнула. Огромная тень помчалась мне навстречу, и я видел горящие, будто налитые кровью глаза.

Сердце замерло, я приготовился к смерти. Но случилось непонятное. Тварь быстро остановилась, вздыбив под собой снег и осыпав меня им с головой. И в тот же момент, словно передумав, развернулась обратно. А я в бессилии повалился в сугроб, слыша только отчаянные крики людей, грохот ломающихся цепей и хруст. Жуткий, леденящий хруст, сопровождающийся дикими воплями – то ли людей, то ли демонических чудовищ.

С трудом я поднялся и, не зная почему, закричал. А после ноги сами собой понесли меня прочь. Покуда были силы, я старался убежать как можно дальше. Бежал и бежал, не останавливаясь, пока не упал без чувств. Вскорости пришел в себя, но из опасения за свою жизнь, не решался повернуть обратно по своим же следам. Я рад был тому, что смерть пока откладывала свой визит. Даже после того как забрезжил рассвет, в лесу было удивительно тихо, как будто он полностью вымер, чего на самом деле не бывает даже зимой...»

«...В том, что произошло, я чувствовал свою вину, и все-таки заставил себя вернуться на поляну. Очень долго шел назад – так далеко я, оказывается, успел убежать. Придя на место, я увидел обгоревшие факелы, торчавшие из оплавленного снега. За скалой обнаружил груды ножей и еще какие-то предметы, по которым понял, что здесь, действительно, собирались принести жертвоприношение, только вряд ли для этой роли предназначалась домашняя животное. Уж больно крупными были ножи и к тому же они оказались чистыми. Это могло означать лишь то, что неизвестная мне жертва убила своих палачей раньше, чем они могли это сделать с ней. Пройдя еще несколько шагов, я обнаружил многочисленные следы крови на снегу, но ни одного тела.

Продолжая испытывать страх, и противясь ему, я закричал, призывая хоть кого-нибудь, пусть это даже будет напугавший меня демон. Мне показалось, что в ответ на мои крики дикий хохот донесся из леса, но, прислушавшись, я понял, что это далекий волчий вой.

Я помню, как я топтался на поляне, кричал до хрипа в груди. В глубине души я понимал, что совершил нечто страшное, и уже ничего нельзя вернуть вспять. Совсем продрогнув, я побрел обратно в скит, захватив с собой один из тлеющих факелов – на случай, если придется обороняться. По пути я заметил, что в лесу мелькают тени. Это были волки. Страх снова влился в мою душу. В скиту никого не могло быть, но всю следующую ночь мне мерещились чужие голоса, крики, шорохи. Я просыпался в поту, подкидывал дрова в печь, чтобы пламя огня сквозь щели дверцы хоть чуть-чуть освещало келью. Иногда мне казалось, что в окне возникали горящие глаза и лицо того демона, что передумал нападать на меня, предпочтя расправиться с своими мучителями, но это был лишь отблеск огня в печи. В болезненной лихорадке я провел всю ночь. Утром страх частично отступил, и постоянно возникали мысли о том, что кто-то из людей все-таки мог уцелеть и вернуться. Как бы я хотел, чтобы так и случилось – чтобы они пришли и распекали бы меня, может быть, даже наказали. Но это была наивная надежда, разум подсказывал, что никто из них не выжил, да и мне следует бежать.

Днем я снарядил телегу, запряг в нее лошадь, вторую привязал сзади. В скиту еще оставалась разная живность, но как ни жаль мне ее было, пришлось отворить все загоны. Я знал, что, как только я уеду, стая волков ворвется сюда (и не только волков), и ни одна божья

тварь не избегнет ужасной участи, но другого выхода не было. Быстрая кончина от чужих клыков лучше голодной смерти...»

«... Пока я отпирал засовы, что-то произошло во дворе и истеричное ржание лошадей заставило меня бежать обратно. Когда я выскочил на внутренний двор, то увидел, что одна из лошадей в бешенстве крутится возле перевернутой телеги, пытаясь вырваться из упряжи, а вторая лошадь валяется на снегу со вспоротым брюхом и на ее туше сидит ужасная черная тварь. Она была похожа на огромного ворона и летучую мышь одновременно, а тело отвратительно напоминало человеческое.

Не помню, откуда у меня взялось ружье – видимо схватил его, собираясь в дорогу, да так и не выпускал из рук, и я выстрелил в эту тварь сразу из двух стволов. По крайней мере один заряд попал в цель и раненое чудовище отпрянуло. Сделав несколько мощных взмахов крыльями, оно тяжело перелетело через забор. Я обрезал упряжь, насилу успокоил лошадь, вскочил на нее и без остановки помчался вон...»

«...Так и не заставил я себя вернуться в Мору, хотя бы на один день. Если бы ты знал, как часто подступает ко мне чувство вины, а еще страх перед неизвестным: не дает покоя та тварь – адова птица из преисподней.

И по сию пору она иногда является мне во сне. А «монахи» и «ученые мужи», погибшие в лесу, – как я теперь думаю, были стражами демонов. Впоследствии я пытался рассказать увиденное разным людям, но меня принимали то за сумасшедшего, то за невероятного выдумщика. И дети мои, не все, конечно, с опаской воспринимают мои рассказы...»

Лука снова посмотрел на дату – 1954 год. Так давно. Его родители еще только на свет появились.

Он был очарован этой историей. Несмотря на то, что записана она была более полувека назад, а впервые рассказана еще раньше, это был почти готовый сценарий хоть для голливудского фильма ужасов. Конечно, Стрельников не верил в подобные истории, а уж тем более в физическое воплощение зла, и рассказ старика Курбатова казался ему обычной искусно сработанной «страшилкой», историей вроде гоголевского Вия. Но, тем не менее, весьма и весьма занятной.

По прочтении, Лука сфотографировал все странички любопытной тетради и сделал с полученных файлов копию на ноутбук. Тетрадь он положил в шкаф и вспомнил о ней несколько недель спустя, когда встретил родственника товарища.

– Почему Серега не заходит в гости? – спросил он у того.

И был огорошен страшным известием.

– Разве ты не знаешь? Он же умер!

– Умер?! – поразился Лука. – Когда?

Дата смерти отличалась от времени получения письма всего на три дня. Как объяснил родственник, Сергей уехал в экспедицию, куда-то к черту на кулички и заразился там инфекцией вроде сальмонеллеза. Их было шесть или семь человек – двое погибли. Мгновенный приступ, резкий скачок температуры и организм не выдержал интоксикации. Будь они в городе, ничего страшного бы не случилось, но они оказались в таких краях, где о службе скорой помощи знают только из книжек, даже телевизоров нет. Когда их доставили в больницу, Сергей уже был мертв.

Эта новость потрясла Луку. Ужасно было осознавать, что он уже никогда не увидит Сергея. Никогда! И только память будет с болью подсказывать ему, что был когда-то в его жизни человек, которого он считал лучшим и единственным своим другом...

4. Мора

Дорога снова пошла плохая. Уже стемнело, ехали с зажженными фарами. Вдобавок оказалось, что колея местами так сильно промыта, что двигаться приходилось пешим ходом. Противясь мысли о том, чтобы сделать ночевку в лесу, Лука продолжал гнать машину, стараясь не спрашивать лишний раз, долго ли еще осталось, и вообще – та ли дорога.

Гнать вперед – пока едет. Он не мог признаться Виктору в том, какие мысли его терзают. И без того уговаривал себя: «Что ты, никогда не ночевал в лесу?» Но тут же давал волю пугливой мысли: в таком лесу – ни разу!

Он замечал, что и Виктор нервничает, но старается не показывать этого. Только поглядывает на одометр да на часы. Брат, видимо, прикидывал возможные варианты и пришел к убеждению – не доберутся они до Мора без ночевки. И, когда «Уазик» подпрыгнул так, что бухнуло что-то в подвеске, Виктор махнул рукой.

– Ты за машину не боишься? Хватит, Лука, остановись! – крикнул он, когда «Уазик» подбросило очередной раз.

Стрельников словно только и ждал этой команды. Он убрал ногу с педали газа, выключил скорость и дал машине возможность остановиться самой. Ощущение было такое, что в тот же самый миг на него навалилась такая дикая усталость, какой он ни разу не испытывал за все поездки.

– Не думал, что здесь дорога такая скверная будет. Ты устал, давай отдохнем.

Лука кивнул. Зачем-то выключил фары. В первую секунду стало темно вокруг, потом обнаружилось тусклое свечение сверху – солнце зашло, но слабый свет его отражался от ряби перистых облаков, зависших на огромной высоте и видных в просвете дороги. Лука передернулся, заметив, что одно из этих облаков удивительно похоже на подобранный им коготь.

– О чем ты думаешь? – спросил он.

Но Виктор молчал, и тогда Лука рассказал о том, что его тревожило в первую очередь.

– В Тихоновке все смеются, небось, над тем стариком, Лёликом. А знаешь, он мне рассказывал, что его не менее сумасшедший дед вырезал над мостом фигуры диких чудовищ и когда был пьян, пугал прохожих, прикидываясь такой же тварью. Кричал, что сатана вырвется наружу, и мертвых будет воскрешать для своих черных дел. Его даже за это поп анафеме предал.

А затем Лука вкратце поведал брату о прочитанной им истории. Виктор слушал, не проронив ни слова.

– Вот мы с тобой вроде бы два современных человека, – продолжал Лука. – А не к черту ли пошла сегодня наша современность? Ты в пионерском лагере друзьям страшилки рассказывал, а? Чего происходит-то?

Он пихнул Виктора в плечо, раздосадованный его молчанием, и тот словно очнулся.

– У нас на дальней лесосеке однажды бригада пропала – шесть человек. Долго искали. Полгода прошло, уже забывать стали. Я с другой бригадой поехал на тот же участок. Между делом хотел поохотиться, собаку с собой взял. Снежок – лайка. Если бы не он, кто знает, как обошлось бы. Мы в палатке спали, когда он заворчал вдруг. А я тоже услышал, как кто-то топчет рядом, хрустит ветками и дышит тяжело. Если бы медведь был, Снежок бы так не струсил, привычный был. Заскулил. Тихо так. Я и сам испугался, когда понял, что Снежок дал слабину. Распихал товарищей, чтобы их до инфаркта не довести, а потом как шмальнул несколько раз в темноту! Всю ночь потом не спали, но зато Снежок дрых как счастливчик – он-то чуял, что опасности больше нет. А утром мы обнаружили, что с нашей «Дружбы», которая под навесом лежала, кто-то содрал наклейку с голой бабой. Скажи мне, нужна ли какому-нибудь зверю наклейка? Сама голая баба, может, и сгодилась для кормежки. А наклейка? Не

нужна. А знаешь, кто ее налепил на пилу? Лева Гаврилов – из той самой пропавшей бригады. Вот такая ерунда.

– Может, пошутил кто?

Виктор посмотрел на него. Даже в темноте его глаза блестели насмешливо.

– В этих краях было? – спросил Лука.

– Западнее – примерно полдня пути отсюда. Можно сказать, почти рядом. Но вот ты скажи мне, если тогда ночью Лева приходил, то почему Снежок так испугался? Вот то-то и оно, что нет ответа. И гадать можно, все что угодно.

– А сейчас-то чего делать?

– Спать будем. Что еще остается.

– Спать, так спать, – вздохнув, согласился Лука.

Он с опаской открыл дверь и прислушался. Все едино – кроме шелеста листвы ни один звук не был доступен его слуху. Он завидовал решительности Виктора – тот без всяких опасений выбрался из машины, чтобы перебраться в салон. Сам же Лука, закрыв дверь, предпочел перелезть через перегородку. Когда улеглись, он долго не мог уснуть, осмысливая все, что узнал необычного об этих местах.

Все это было слишком похоже на дешевый триллер со всеми необходимыми атрибутами – записками сумасшедшего, который вовсе не сумасшедший, реальными историями о пропавших людях, загадочных ритуалах и ужасных существах, которые чувствуют себя в лесу как дома, но мало кому удавалось видеть их собственными глазами. И лучше бы герою с ними не встречаться!

Посторонние звуки то мерещились, то отступали. Откуда такой страх засел внутри? Наверное, не было бы его, если бы Лука не видел, как выскочил из тайги медведь. Да еще следы крови...

Ворочаясь на жесткой обивке, он от усталости погружался в сон, лишь иногда возвращался в реальность, содрогаясь при этом всем телом, когда казалось, что и вправду кто-то стучит или скребет рядом. Он прислушивался, и оказывалось, что по-прежнему снаружи только загадочно шумит листва, да пощелкивает медленно остывающий двигатель...

Когда Лука проснулся, солнце стояло уже высоко. Часы показывали десять. Повернулся, чтобы разбудить брата, но Виктора рядом не оказалось. Лука открыл дверь и сразу же в носдри ударил запах запеченной, хотя и немного подгорелой колбасы. Виктор сидел возле небольшого костерка и держал в руке палочку с нанизанным на кончик куском «докторской».

– Не стал тебя будить. Ты так сладко дрых.

Лука смотрел на него и чувствовал себя вполне счастливым человеком. На время страхи отступили, впереди был новый день. Братья наскоро подкрепились и отправились в путь. Через три часа они прибыли в Мору. По светлу и дорога казалась лучше.

Деревня встретила их почерневшим за десятилетия (а может быть и за столетие) угрюмым срубом без крыши, с пустыми, обросшими мхом и травой, словно бровями и ресницами, глазницами сгнивших окон. Лука не удержался, остановил машину и, взяв камеру, подошел ближе, сделал несколько кадров. Похоже, что Мора находилась на грани вымирания – лес чувствовал себя здесь полноправным хозяином. Когда-то торная дорога, ведущая в поселение, поросла ивняком и мелкими сосенками. За срубом виднелся кривой забор и краешек соседнего дома, из трубы которого вился сизый дымок.

Лука повернулся к машине и замер. Неподалеку стоял тощий высокий человек в брезентовом балахоне (это в такую-то жару?!). Против солнца нельзя было разглядеть лица, но, похоже было, что он внимательно изучает гостей, сам, однако, не проявляя желания поприветствовать хотя бы взмахом руки.

– Витя, не знаешь, кто это? – он показал рукой, но человек успел исчезнуть в зарослях.

Он снова сел за руль, проехал еще метров сто, обогнув избу с дымящейся трубой. На гул двигателя из калитки выбралась старуха. Несмотря на духоту, на ней была выцветшая телогрейка с торчащими и дыр клоками ваты. На ногах суконные ботинки, нелепо смотревшиеся на ее худых ногах.

– Дарья Семеновна, здравствуйте! – поприветствовал ее Виктор.

– Здрасьте, здрастьте, Виктор Андреич! Давненько тебя видно не было, – бабка, первоначально настороженная приездом незнакомой машины, обрадовано засуетилась. – Машину загонять сразу будете, аль как?

– А что, обязательно? – спросил Лука.

– А как же. Егеря вон, в прошлом году случай был, оставили машину за околицей, так медведь приходил, вдоволь наигрался.

– Словно взбесился. От колес ничего не оставил, тент изодрал и стекла побил, – подтвердил Виктор.

Подумав о медведе, Лука тотчас представил себе этого зверя, как щенка испуганного и улепетывающего со всех сил от неведомой опасности. В кармане он нащупал трофейный коготь. Показалось – его слегка шершавая поверхность обожгла ладонь.

– Ну, уж проходите, гости дорогие! – Бабка Дарья повела их на запах свежее испеченного хлеба.

В доме было темно и все, что бросилось в глаза Стрельникову – это огромный кустарно вырубленный стол посреди кухни (в полдома кухня), белый куб огромной русской печи и длинные, во всю стену, скамейки под рядом мелких окошек. Низкие дощатые потолки. Что-то подобное он видел когда-то в музеях под открытым небом, где собирали старинные дома со всех краев и весей.

– Хлеб поспел, сейчас и картошечку поставим!

За окном замычала корова.

– Сейчас, сейчас! – крикнула старуха, – уймись, милая!

Оставив гостей, Дарья Семеновна выскочила во двор. Приветствуя ее появление на скотном дворе, закудахтали куры, раздался гусиный гвалт, заблеяли не то козы, не то бараны (в этом Лука был явно не специалист). Если прислушаться отрешенно, то выходило – обычная деревня со всякой живностью. И как-то не верилось, что народу в этой глухомани живет – на пальцах сосчитать можно.

С крыльца донесся стук, и в избу вошел старик на одной ноге. Вместо другой – когда-то лакированный под махагоны деревянный протез.

– Здорово, гостям! – хрипло пробасил дед. – А я слышу – будто кто подъехал. Думаю, может, благодетели раньше срока пожаловали? Егеря, значит, – пояснил он, обращаясь к Стрельникову. – Ждем их. Скоро должны быть.

Дед был как дед – с небольшой аккуратной бородкой, с крепкой, почти солдатской выправкой, несмотря на свою инвалидность. Лицо его можно было назвать добрым, если бы не брови – мохнатые, тяжелые, делавшие взгляд его цепляющим и пронзительным. Он приблизился к Стрельникову и протянул руку. Его ладонь оказалась хоть и не крупная, но сильная для столь пожилого человека. Лука не остался в долгу – всегда приятно выразить почтение, казалось бы, столь банальным образом, через рукопожатие.

– Никак, брат твой, Виктор? – старик все не отпускал Луку.

– Точно, дед, угадал.

– Чего мне гадать, коли, я все про всех знаю, – проворчал старик. – Шучу. Ты же сам в последний раз хвастался. Брата, мол, жду. Счастливее человека я и не видывал, – он засмеялся и вновь обратился к Стрельникову: – А я Фаддей.

– А отчество? – удивился Лука.

– Без отчества. Меня так и называют всегда, ежели официально – «Фаддей Без Отчества». И попрошу без всяких «вы».

– Лука, – в свою очередь представился Стрельников, чем вызвал искреннее любопытство. Старик вскинул брови, отстранился, будто заново посмотрев на гостя.

– Весьма редкостное имя для нашего времени, – только сейчас он отпустил руку Стрельникова и пригласил садиться за стол.

– Сейчас жеванем, а потом за разговоры. Ну, где там мать?

На зов его вернулась Дарья Семеновна.

– Выпустила Нинку травки пощипать.

– Привязала? – спросил Фаддей.

– Да уж, на память пока не жалуюсь, – сердито ответила старуха, на что дед весело подмигнул гостям, затем снова повернулся к супруге:

– А Маринка где? Обедать с нами не сядет?

– Она к Евгении пошла. Что-то они там шьют.

Лука подмечал имена. Евгения – это, наверное, соседка. Виктор говорил, две только женщины в деревне. Значит, Маринка – должно быть, какая-то родственница.

Гостям был пожалован самогон. К радости Стрельникова, на его внезапный отказ (покоился только Виктор) Фаддей ответил без церемоний: «Я два раза в такие игры играть не приглашаю!». Налил себе и брату. Первую они выпили с ходу, после второй старика потянуло на разговор.

– Маринка – внучка моя. Загляденье девчонка. Сами увидите. Сейчас еще погостует у дедов последний разок и... – дед присвистнул и махнул рукой, – унесут ее белые крылья. Город-то – нехорошее место. Соблазнов полно всяких.

– Чего мелешь-то, бес? – откликнулась Дарья Семеновна. – Какие соблазны? Ей учиться надо. В институт она у нас поступила, – сообщила бабка главную семейную новость. – Вот и решила перед учебой погостить у стариков.

– Ну а ты, паря, чем в наших краях заниматься собираешься? – спросил Фаддей, обращаясь к Стрельникову. – Меня не проведешь. Я ученого человека за версту чую.

– Почему же ученого? – смутился Лука.

– Да я всех учеными зову, кто мне нравится.

Лука рассказал вкратце, так чтобы стало ясно и не вызывало лишних вопросов.

– Фотография – это дело хорошее. – Фаддей достал из-под стола бутылку, но даже не видя напряженного взгляда Луки, исполняя свое обещание, снова налил только себе и Виктору. – В городе-то пока жил, молодой еще – помню, баловался. А здесь бросил. Сам понимаешь. Никаких условий. Правда, сейчас, вроде как есть фотокамеры, которым даже пленка и бумага не нужна, а картинки можно по телевизору смотреть. Да уж больно дорого, полагаю, стоят, а? А с другой стороны, мне ли интересоваться – у нас и телевизора-то нет.

– Да, – согласился Лука, – хорошая камера недешево стоит. – Менее всего ему хотелось разговора на профессиональную тему, и он перевел его в другое русло. – А как у вас тут с погодой?

– Дак ведь я могу тебе наперед сказать, какая ожидается, – Фаддей хитро прищурил глаз. – С моих понятий, дня два, а может три, жмурь будет.

– Это как – жмурь? – спросил Виктор.

– А значит, солнце будет такое слепительное, что весь день ходить будешь глаза щуря. Жмуриться.

– А я думал, наоборот, дубак жуткий, – вставил Виктор. – Ну, в смысле – замерзнуть можно до «жмуриков».

На язвительное замечание Виктора Фаддей шутливо погрозил пальцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.